

СЕЙЧАС
В БАЛЕТЕ
ТОРЖЕСТВУЕТ
НОВАЯ
ДИКОСТЬ,
ПОРЫВ,
ГЛУБИННАЯ
ЭНЕРГИЯ

нироваться, репетировать. Это серьёзная работа. Недаром Охад Наарин работает только со своей труппой, в других театрах не соглашается ставить, хотя приглашений — море! Для того чтобы использовать его метод, надо знать своих танцовщиков, как самого себя, и полностью на них полагаться. У этого танца свой вкус, свои специи — они сразу заметны.

А у вас есть свои специи?

— Мне очень понравилось, как сказал о стиле Евгения Панфилова Радуга Поклитару: «Система Панфилова — в отсутствии системы». У Панфилова все балеты — разные. Взять, например, «Восемь русских песен» и «Ромео и Джульетту»: если не знать, что у них один автор, ни за что не догадаться.

Поклитару называл наш стиль «фирменным лоском». Евгений Алексеевич любил образованных, хорошо обученных танцовщиков, сказывалась тяга деревенского мальчика к высокому искусству.

Он приходил в хореографическое училище и видел, что даже самые гадкие из утят вырастают отличными танцовщиками, если ими заняться. И он занимался, и выращивал... Панфилов считал, что если его танцовщики не будут лучшими в мире, то нет смысла работать.

Когда я сейчас гляжу на молодых гениев хореографии — Константина Кейхеля, Владимира Варнаву, я вижу то же панфиловское стремление делать новый, невиданный танец с великолепными танцовщиками, с обученными, холёными телами.

В какую сторону движется современный танец?

— Современному танцу интересны сейчас две темы, прямо противоположные. С одной стороны, он постигает новые культуры, которые приносит научно-техническая революция, с другой стороны — погружается в культуру прошлого, в древность, стремится к корням. Вообще, движение, прогресс в

современном танце построен на совмещении несовместимого, когда каждый новый синтез — это вызов. Совмещение академического танца и модерна — это совмещение уличной грязи с голубой кровью. Разве это не вызов?

Евгений Панфилов был в этом отношении абсолютным гением. Не потому, что все его работы гениальные — были у него разные работы, более успешные, менее, — а с точки зрения культурологического проживания, выстраивания мира вокруг себя. Если бы не он, не было бы уральской школы современного танца. Своим чёрным плащом он прикрывал тех, кто послабее, и они крепили и вырастали. Он дал им выжить и принял все самые страшные удары на себя. Он показал, как дикий, одержимый идеями хореограф может создавать новую эстетику.

Нам очень повезло. Мне очень повезло, что я живу в Перми — в признанной третьей балетной столице, всегда открытой для эксперимента. **К**